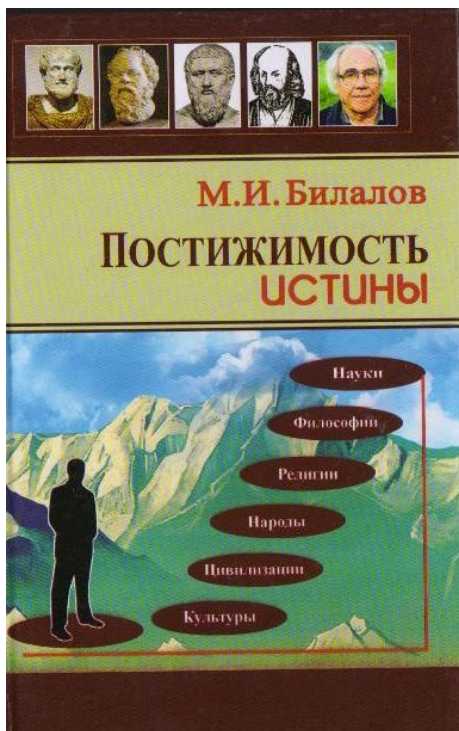

РЕЦЕНЗИИ

**Пространство истины в творчестве М. Билалова
(рецензия на книгу М.И. Билалова «Постижимость истины:
уловимость, объяснимость, выразимость».
Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017)¹**

Буттаева Асият Магомедовна – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета

В 2017 г. вышла в свет довольно объемистая книга известного дагестанского философа Мустафы Исаевича Билалова «Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость». Общее содержание книги раскрывает панораму многолетних исследований проблем истины профессора М.И. Билалова, и она адресована широкой читательской аудитории и призвана помочь читателю через выработку эффективного представления об истине занять общественно-политическую и культурно-мировоззренческую позицию в сегодняшнем, предельно поляризованном мире (Билалов, 2017. С. 3).

Использование большого количества современной научной литературы, многочисленных письменных источников историко-философского, религиоведческого и другого содержания придает особую ценность и значимость данному монографическому исследованию.

Исследования автора в этой области на протяжении многих лет проходили в атмосфере активного диалога в широких кругах россий-

¹ См.: Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. 376 с.

ских философов, философских и не только философских организаций и журналов, оправдывая известный тезис Н.Н. Шульгина: «Культуры соприкасаются индивидами, а индивиды предстают друг перед другом в том или ином культурном модусе» (Шульгин, 2002. С. 22).

Попытки глубже вникнуть в потенциальную природу истины приводят М.И. Билалова, как логическое следствие, к вопросам текущей действительности: политическим, культурно-духовным, экономическим и т.д. И поэтому нам понятны и близки попытки автора понять глубинные механизмы проявленности общего мира человека через его индивидуальный мир.

В качестве важного достоинства содержания рецензируемой книги также следует отметить разностороннюю философскую эрудицию автора, сумевшего под обложкой книги создать атмосферу диалога и единого пространства мысли. Какой же образ истины и круга философских проблем, с ним связанных, осмысливается в этом пространстве?

Красной линией, проходящей через все содержание книги, является представление о плюральной природе постижения истины, обусловленной подходом к познанию «...как к емкому и многомерному образованию, совокупному единству разнообразных уровней, ступеней, видов и форм познавательной деятельности человека» (Билалов, 2017. С. 4).

Апогеем исследовательского интереса к проблеме истины явилась проведенная по инициативе М.И. Билалова в 2013 г. Всероссийская конференция «Что есть истина?», где ведущие российские философы, представляющие различные культурные традиции и философские взгляды, в полифоничном диалоге вели разговор вокруг вопросов «...что есть истина, каково ее содержание, на основании каких критериев она устанавливается, какова сфера приложения истинного знания и т.п.» (Чумаков, 2013. С. 5).

На конференции проблема истины была представлена во всех основных разделах философского знания: онтологии, гносеологии, социальной философии, культурологии и т.д. и т.п., что явилось наглядной демонстрацией того, как современные споры в области роли и места истины в философии науки разворачиваются в отечественной философской среде.

В новой книге М.И. Билалова, как нам представляется, в общем массиве современного философского толкования истины набирают силу новые, свежие ориентации в осмыслении этой проблемы, более тесные сопряженности российской философии со всей мировой философией, именно в сторону активизации внимания к проблемам истины в

гуманистическом поле, в поле историотворческой антропологии. Сам автор так пишет по этому поводу: «...эта книга не о философах. Она обо всех, но адресована тем, в ком обозначен субъект познания и субъект историотворчества» (Билалов, 2017. С. 367).

Несколько слов о структуре книги, которая во многом воспроизводит структуру научной публикации. В книге – 10 глав, объединенных в три части, в которых раскрываются три основные взаимодополняющие друг друга темы: «Уловимость истины», «Объяснимость истины», «Выразимость истины». Названия глав («Здравый смысл о философии истины», «Человеческое и нечеловеческое в истине», «Постижение истины умом и сердцем», «Знание как объясненная истина», «Когнитивное и ценностное в истине», «Ислам как истина», «Поиски истинной идентичности российских этносов», «Какая концепция гражданского общества истинна?», «Столкновение цивилизации как столкновение ценностей», «Наступила ли эпоха конца истины?») создают представление о масштабах глубинного и объемного анализа проблемы истины автором, выступающего собственно селекционером этих содержаний. Им сделана довольно удачная попытка в полемическом противостоянии с общепринятой в гносеологии теорией истины включить «Постижимость истины» в предмет своего собственного исследования и в свою собственную теоретическую структуру: «уловимость, объяснимость, выразимость». Эти гносеологические понятия, через которые постигается истина, интегрируются в «снятом» виде во всех главах книги в современное теоретическое знание, оправдывая известный тезис Витгенштейна – предложение может быть истинным, если факт или положение дел, выраженное этим предложением, существует в реальности.

Классическую и неклассическую проблемы истины М.И. Билалов рассматривает с позиций методологии сингуляризма и универсализма, т.е. индивидуализма и коллективизма, методологии которых по сути своей нестабильны, текучи. Они, чередуясь, утрачивают или вновь приобретают свои позиции в соответствии с коренными изменениями, происходящими в процессе развития общества, зависящими не только от воли человека, но и от высшей воли, скрещение которых дает не хаос и не беспорядок, а общность и порядок.

Автору удалось в философско-методологическом анализе истины учесть перемены, происходящие во всех сферах современной общественной жизни и тем самым избежать попыток втиснуть новую реальность в прокрустово ложе старых схем. Как человек, одаренный здравым смыслом, автор понимает, что во всех отраслях человеческой

деятельности только те направления достигают весомого успеха, которые находятся в живой связи с потребностями общества в настоящем времени.

Удачна, на наш взгляд, полемика автора с поэтессой Тамиллой Мельник, которая в поэтической форме высказала свои сомнения в постижении истины:

*Небо часто закрывается
Серо-белой пеленою...
Так вот истина скрывается
За завесою сплошною.
И, как тень, неуловимая
За собою устремит,
Но, как скромница невинная,
Нам отдаться не спешит...*

М.И. Билалов пишет: в каких бы поэтических формах ни рассматривалась истина, «нужно время для открытия скрытой истины – ее возможно постичь, какой бы парадоксальной, смешной или ужасной ни явилась она в итоге беспристрастному мышлению» (Билалов, 2017. С. 19). По его мнению, в постижении истины особую значимость обретают переживания, открывающие доступ к постижению специфики человеческого бытия, без которых путь человека к истине не проясняется.

Вот почему в осмыслении истины автор весьма проникательно считает роль глубинного знания доминирующим. Оно составляет ядро духовного бытия человека как относительной отдельности, которая сформировалась через переживания и действия, возникающие и существующие только в общности и как организуемый материал, и как организующая его сила. Тонкость понимания глубинного знания (под которым мы понимаем не только религиозность) через истину связана, на наш взгляд, с переживаниями поиска и выбора нравственной и усиливающей нас свободы и узнавания унижающей и ослабляющей нас свободы.

Характерно, что М.И. Билалов свои рассуждения не ограничивает философией науки, он вводит в пределы собственного исследования и философию жизни, и философию религии, и экзистенциализм, и постмодернизм.

С нашей точки зрения, это оправданно, потому что в онтологическом поле этих философских направлений многие факты истины живут симбиозной, синкретичной жизнью, являясь причиной нелинейной культуuroобразующей деятельности человека. Об этом пишет и Л. Де-

мина, которую цитирует автор: «Мир или реальность обретают полный смысл лишь из переплетения смыслов, или смысловых горизонтов, конструируемых всеми субъектами» (Демина, 2005. С. 19).

Монография Мустафы Исаевича Билалова объединяет в одно целое сложную многоплановую проблематику истины, экзистенциальность которой проявляется в несоответствии эмпирической реальности существования человека и его онтологической сущности, и, по сути, является попыткой одного большого ответа на этот вопрос. По мнению М.И. Билалова, «“волнения истины”, связанные с приключениями разума, неясности со статусами ложного и мнимого знания, релятивизация познания, а на самом деле – диалектические противоречия между субъективностью и объективностью, относительностью и абсолютностью истины, так или иначе, соотносятся, как показал постмодернизм, с проблемой “истина и время”» (Билалов, 2017. С. 158).

Далее автор пишет: «Изменения субъектов познания и науки, погружение последних в мир развивающихся сложных систем вызвали к жизни иную, также сложную связь истины и времени, темпоральность истины – ее временную сущность. Если истина и смысл прошлых событий невозможны без культурных смыслов новых событий, то значимость вплетенного в истину времени предстает совершенно иной» (Билалов, 2017. С. 187).

Свою позицию в отношении места и роли истины в религии Мустафа Исаевич выразил в 3-й части, гл. 3.1 «Ислам как истина». И рассуждения по этому вопросу автор начинает с тезиса: «...культура как система символов и ценностей образует бытийную реальность, с которой должна соотноситься и религиозная реальность. И многообразие культур как основа мировоззренческого плюрализма и социального обустройства человечества заключается в разнообразии их составляющих. Ведь даже такая консервативная система, как религия, зависит от многообразия ментальных, этнических, психологических и т.п. особенностей своего развития» (Билалов, 2017. С. 215).

В свое время известный исследователь ислама А.Д. Кныш, анализируя ислам как объект интерпретации и источник смысла, писал: «Как и любая религиозная традиция или философская доктрина, ислам для его последователей является своего рода мировоззренческой площадкой, с которой они наблюдают и осмысливают окружающую их действительность» (Кныш, 2015. С. 125).

Так вот, в унисон к этому тезису М.И. Билалов пишет: «Важнейшей традицией этой культуры становится идея постижения Бога, который в догматах монотеистических религий олицетворяет цель и способ

социального, эстетического, этического и интеллектуального совершенствования человека... Познавательная культура аккумулировала такие гносеологические идеи о диалектическом характере познания, которые зафиксированы в религиозном сознании как бесконечность постижения абсолютной истины, дифференцировала познавательную деятельность на чувственный, разумный, интуитивный и т.п.» (Билалов, 2017. С. 223).

Следует отметить, что религиозная гносеология в существе своем динамична, в том плане, что человек, волевым усилием изменяя себя и поле своего опыта, обретает предмет своей веры. Воля к вере, пробудившись в человеке, побуждает его решительно менять само поле личностной религиозной практики и, значит, не успокаиваясь на «ощущении отсутствия Бога», вынуждает искать новые смыслы и новый опыт. Сама же воля к вере – это внутренняя духовная определенность, воля к внутреннему вниманию, к направлению своего духовного взора на предмет религиозного опыта. Воля к вере как один из всеобщих способов человеческого существования действует в человеке только тогда, когда речь идет не об активизации одной из способностей человека, а о совокупности всех присущих ему духовных и душевных сил и способностей, выраженных через представление, поведение, настроение, свободу и т.д.

С нашей точки зрения, если осмысливать религиозную веру как совершенно иную форму установления отношений с истиной, то мы должны признать, что существует ряд вопросов, которые не допускают иного ответа, чем ответ веры. В числе таких вопросов – природа самой человеческой личности, природа Бога и т.д.

В свое время известный русский философ, психолог Н.Я. Грот по этому поводу писал: «Только вера способна дать представление о начале всего сущего как о Боге, который является тем началом, тем общим понятием силы, той чистой силой, из которой путем дифференциации и поляризации рождаются противоположные силы духа и материи» (Грот, 1886. С. 89).

Разворачивая концепцию ортодоксального ислама, признающего недопустимость сокращения дистанции между Богом и человеком, «...неявно отгораживающего постижение Бога от человеческого познания», Мустафа Исаевич пишет: «Мусульманское учение о Боге сводится к тому, что Бог выше всякого ощущения и познания. Ни одно создание, даже достигшее в своем совершенстве высшей ступени, не может Его постичь». В то же время исламский мистицизм опровергает «...положения ортодоксального ислама о непостижимости истины.

Человек, являющийся частицей (“джузгун”) Бога (“куллюна”), стремится к слиянию с Ним, так же как все вещи возвращаются к своей основе» (Билалов, 2017. С. 234).

Живой нерв этого учения наиболее отчетливо описан Е. Фроловой, которая считает, что суфийский совершенный человек обретает новый тип веры и знания, нежели обычный мусульманин, бездумно вручающий себя Аллаху (Билалов, 2017. С. 235).

Таким образом, автор считает, что фундаментальное осмысление истины с позиций ортодоксального ислама и суфизма требует умения различать живую ткань гносеологических тезисов суфизма: «Человек – не абсолютная истина, а только ее частица, и не совершенен, как Бог, но причастен к абсолютному совершенству» от мертвых наслоений ортодоксии. «Тем не менее, – продолжает автор, – суфизм наделяет человека несвойственной для религиозных систем способностью обладать истиной, на что не претендует по своей этимологии даже философия» (Билалов, 2017. С. 235).

Далее разворачивая свою мысль «об исламе как истине», автор резюмирует: «Ислам как религия и как культура просто-напросто не содержит механизмов навязывания единого мнения, и если кто-то сегодня пытается такие механизмы запустить, такой человек действует явно в несогласии с фундаментальной логикой ислама» (Билалов, 2017. С. 253).

Сегодня, в российском социуме, каждый, кто способен думать, размышляет о проблемах общности евразийства и суфизма. В этом плане автор предлагает свой особый взгляд на евразийство и суфизм в идентичности российских этносов, их функционирование, существенные характеристики существования: «В цивилизованных истоках национального духа евразийских народов есть изначальная ориентация не на всевозрастающее материальное производство и потребительство, а на аскетическую умеренность, основанную на приоритете духовных ценностей. Но не только это сближает евразийство с суфизмом. Среди идеалов евразийства доминируют такие ценности, как чувственность, сердечность; бессердечному европейскому рационализму противостоит теплота человеческих отношений и самопожертвование, индивидуализму – братская взаимопомощь и коллективизм» (Билалов, 2017. С. 271).

К сожалению, в формате рецензии невозможно охватить все аспекты столь объемного труда (372 с.). Мы лишь попытались выделить поднятые М.И. Билаловым наиболее важные и актуальные на сегодняшний день для российского общества вопросы и отметить значи-

мость постановки этих вопросов для дальнейших интеллектуальных дискуссий.

Книга написана в хорошем стиле, мысли изложены академически ясно и лаконично, сопровождаются хорошими иллюстрациями, схемами, удачно дополняющими содержание книги, хотя и не лишена незначительных недочетов: некоторых повторов, может быть излишней публицистичности, что несколько не умаляет ее значимости для понимания тех проблем, в решение которых привлечены все сферы российского научного сообщества.

Книга заканчивается послесловием – «Вместо заключения» (Билалов, 2017. С. 360). Можно согласиться с вопросами и оригинальными ответами на свои же вопросы автора, где он весьма остроумно полемизирует со своим однокурсником. Но бесспорно одно: признавая безусловные незаурядные способности Мустафы Исаевича как педагога, ученого, организатора науки и др., главное, что отличало его всегда, – это был высокий строй души. «...Ну, сидит во мне это всеобщее, универсальное, вечное и непреходящее!..» (Билалов, 2017. С. 367), что делало его, начиная со студенческих лет, неформальным лидером во всех коллективах, в которых он оказывался.

И в год своего юбилея, когда он прошел определенный этап своей жизни, он продолжает искать с той же энергией свою истину в многослойном пространстве мира, продолжает жить в потоке творческого вдохновения, стараясь «быть сознательно здесь и теперь». Этой энергетикой он заряжает и молодежь, стараясь пояснить и донести до нее в творческом диалоге, в живой беседе, накопленной и искусством, и наукой, и религией, богатейшие знания о чувственной и рациональной природе человека, прививая чувство полноты бытия.

Литература

Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. 376 с.

Грот Н.Я. О душе в связи с современными учениями о силе, опыт философского построения. Одесса, 1886.

Демина Л.А. Парадигмы смысла. М.: Изд-во МГОУ, 2005.

Кныш А.Д., Маточкина А.И. Ислам: история, культура и практика. СПб.: Президентская библиотека, 2015.

References

Bilalov M.I. Postizhimost' istiny: ulovimost', ob'yasnimost', vyrazimost'. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. 376 p.

Grot N.Ya. O dushe v svyazi s sovremennymiucheniyami o sile, opytfilosofskogopostroeniya. Odessa. 1886.

Demina L.A. Paradigmymysla. M.: Izd-vo MGOU, 2005.

Knysh A.D., Matochkina A.I. Islam: istoriya, kul'tura i praktika. Sankt-Peterburg: Prezidentskaya biblioteka 2015.

Чумаков А.Н. Истина и правда с философской точки зрения // Что есть истина : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала: Изд. ДГУ, 2013.

Шульгин Н.Н. Альтернативная герменевтика в диалоге культур // Вопросы философии. 2002. № 12.

Chumakov A.N. Istina i pravda s filosofskoy tochki zreniya. Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chtoest' istina». Makhachkala.: Izd. DGU. 2013.

Shul'gin N.N. Al'ternativnaya hermenevtika v dialoge kul'tur // Voprosy filosofii. Moskva. Institut filosofii RAN. № 12. 2002.

Поступила в редакцию

1 марта 2018 г.